

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК ОБЪЕКТ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Валаханович И.А.

главный советник Белорусского института стратегических исследований
кандидат исторических наук, доцент
(г. Минск, Беларусь)

Термин «историческая память» несколько двусмысленен и противоречив. С одной стороны, память, как и история по определению имеют дело с прошлым. С другой – индивидуальная или групповая память может не совпадать с историей, предполагающей нарратив, игнорирующий вариации памяти индивидов и групп. На это в свое время обратил внимание известный французский социолог Морис Хальбвакс, изучая взаимодействие истории и памяти [3, с. 15–16].

Когда идет речь об «исторической памяти», как правило, подразумевается, что она является некой разновидностью «коллективной памяти». Носители этого вида памяти часто отождествляют его с историей (конкретным нарративом о прошлом) или с прошлым в целом. В итоге в их представлениях граница между историей и памятью может стираться. Правда, отдельные исследователи считают, что правильнее говорить не о коллективной, а о «социальной памяти», имея в виду огромную роль социального фактора в формировании образов прошлого [2, с. 12].

Попытки конструирования исторической памяти через создание искусственного исторического нарратива и необоснованные интерпретации подобного подхода, как процесса восстановления памяти сообщества приводят к тому, что история, включая историческую науку и выполняя функции коллективной памяти, превращается в мнемонику, а профессиональные историки – в мнемотехников [3, с. 16].

Имеется много научных исследований, посвященных разным видам, функциям и воплощениям «коллективной памяти». Начало было положено в работах М. Хальбвакса, впервые введшего в научный оборот это понятие [7, с. 732].

В исторической науке его идеи подхватил представитель французской школы «Анналов» Марк Блок и трансформировал их в рамках методологического подхода «истории ментальностей». Практически в то же время немецкий историк искусств Аби Варбург сформулировал понятие «социальной памяти», как неких общественных рамок, формирующих и опосредующих структуры коллективной памяти, отображенных в произведениях искусства. После этого французский историк Пьера Нора ввел в научный оборот термин «места памяти» («пространства памяти»), поддержанный его современниками и соратниками по научной школе «Анналов» Филиппом Арьесом и Жаком Ле Гоффом [3, с. 17–19].

В конце 1980-х – начале 1990-х годов идеи М. Хальбвакса получили свое дальнейшее развитие в работах американских и европейских исследователей. В частности, американский социолог Джеффри Олик реинтерпретировал понятие «коллективной памяти» и предложил учитывать различия между «коллективной памятью» (collective memory) и «сборной памятью» (collected memory). «Сборная память», по мнению Д. Олика, представляет собой набор сходных индивидуальных памятей сообщества или группы. Однако в процессе неизбежного взаимодействия даже однотипные индивидуальные памяти подвергаются трансформации.

В «коллективной памяти» с точки зрения Д. Олика отсутствует набор воспоминаний индивидов, а присутствует коллекция общих для всех членов сообщества дефиниций, символов, образов, независимых от субъективного восприятия этих индивидов. Институты власти устанавливают высшую ценность одних историй по отношению к другим, определяют способы передачи и образцы памятования того, что индивиды могут и должны помнить [3, с. 19–21].

Немецкие историки Яна и Алейду Ассман ввели в научное обращение дихотомию «коммуникативная – культурная память». Тем самым исследователи предложили разделять коллективную память на коммуникативную и культурную. Они представили «коммуникативную память», как явление, относящееся больше к повседневному общению между индивидами. По их мнению, «коммуникативная память» функционирует в пределах небольшой социальной группы, границы которой определяются общей памятью, передаваемой и видоизменяемой в основном через вербальное общение. Срок жизни «коммуникативной памяти», как правило, рассчитан на три-четыре поколения.

«Культурная память» является противоположностью коммуникативной. Она формируется и функционирует в тесной связи с традицией, которая, в свою очередь, связана с властью. Поскольку «культурная память» навязывается индивиду, она противостоит «коммуникативной памяти» и даже может с ней конфликтовать.

«Коммуникативная память» имеет дело с достаточно конкретным, «социальным» временем (легко измеряемыми периодами жизни поколений). В рамках «культурной памяти» время, измеряемое историческими периодами, мифологизировано. «Культурная память» формируется и поддерживается общественными или государственными институтами. Она может существовать и передаваться в течение столетий и даже тысячелетий. Доступ к формированию, сохранению и передаче культурной памяти имеют только люди, которым общество или государство делегирует такие полномочия (служители культа, писатели, историки, архивисты) [3, с. 21–22].

Таким образом, практически все вышеприведенные исследователи сошлись в противопоставлении и сравнении индивидуальной (сборной, коммуникативной) и коллективной (культурной) памяти с целью выделить в самостоятельную категорию вид памяти, являющийся объектом целенаправленного конструирования. Коллективная (культурная) память

предполагает наличие политического интереса. Она является именно тем видом памяти, который можно отождествлять с исторической памятью.

Общим стал также вывод, что «историческая память» непосредственно связана с вопросом о власти, как политической, так и власти дискурса. «Историческая память», как форма коллективной (культурной) памяти, является одновременно объектом и субъектом «исторической политики», борьбы за власть и контроль над обществом [3, с. 23–24].

Отсчет истории возникновения понятия «историческая политика» можно вести с 1970 года, когда была издан сборник полемических эссе с одноименным названием американского историка Говарда Зинна. В попытках утверждения концепта так называемой «радикальной истории» Г. Зинн призывал историков к более активной «жизненной позиции». Термином «историческая политика» исследователь артикулировал проблему взаимодействия научной дисциплины и общества, в частности способности историков отвечать на запросы и вызовы современности. Однако в интерпретации Г. Зинна новое понятие имело скорее публицистический, чем научный смысл [1].

В 1980-е годы во время знаменитого «спора историков» в ФРГ термин «историческая политика» получил иной контекст и значение. Понятие явилось как бы побочным продуктом дискуссии, развернувшейся между правоконсервативными и леволиберальными историками по поводу обсуждения страданий мирного населения Германии на завершающем этапе Второй мировой войны и героизма вермахта, защищавшего немцев от Красной армии. Споры быстро вышли за рамки чисто профессиональных дискуссий и приобрели общенациональные масштабы.

Особый резонанс вызвали публикации исследователя истории фашизма Эрнста Нольте, в которых он опротестовал тезис об особой вине немцев в преступлениях нацизма. Исследователь рассматривал коммунистическую идею, как предпосылку фашизма, который лишь защищался от более раннего и намного более агрессивного большевизма. При этом совершённые фашизмом преступления обрели в толковании Э. Нольте характер оборонительных мер [4].

К нему присоединился другой влиятельный историк, советник канцлера Г. Коля Михаэль Штюрмер, утверждавший, что вариант восприятия прошлого, который был навязан немцам извне после Второй мировой войны, фактически лишил их нормальной коллективной памяти и мешал свободному историческому поиску и дискуссии.

Оппоненты охарактеризовали действия указанных выше историков, как «историческую политику», подразумевая под этим манипулирование историческим прошлым в конъюнктурных интересах определенных политических сил. Критики «исторической политики» утверждали, что она может привести к опасному преукраиванию прошлого с целью ревизии идеи об ответственности немцев за преступления нацизма и реставрации составляющих исторической памяти и национальной идентичности, благодаря которым стал возможен нацизм [5].

Из сферы публицистики и журналистики термин перекочевал в академический лексикон, утерев при этом негативно-ироническое звучание. В

1999 году вышла фундаментальная работа Эдгара Вольфрума «Историческая политика в Федеративной Республике Германии. Путь к западногерманской памяти, 1948–1990». Автор в публикации впервые дал научное определение понятию «историческая политика», как вида деятельности и области политики, где разные акторы используют историю в своих политических целях [3, с. 27].

В 2004 году группа польских историков выступила с инициативой разработки и проведения активной исторической политики для утверждения «здорового патриотизма» и противостояния «искажениям» польской истории внутри страны и за рубежом. Использованный ими термин «историческая политика» был калькой с немецкого понятия. Но в отличие от Германии в Польше этот термин был использован сторонниками проведения политики памяти. Однако в отличие от Германии у польской «исторической политики» поначалу почти не нашлось сторонников в среде профессиональных историков.

Вслед за Польшей приемы, методы и само понятие стали широко применяться в других восточноевропейских странах. Это связано в первую очередь с проблемами, возникшими при попытках ускоренного создания новых национальных идентичностей в посткоммунистических странах [5].

В современной политической практике «историческая политика» активно используется правящими элитами различных стран для мобилизации общества и удержания власти. История фактически превратилась в господствующую идеологию многих политических режимов. При этом исторические образы и интерпретации (как положительные, так и отрицательные) особенно востребованы в периоды смены эпох и судьбоносных политических трансформаций, когда они берутся на вооружение для моделирования и утверждения новых образов национально-государственной идентичности.

«Историческая политика» в современных условиях не является константой. Наоборот, она моделируется в зависимости от интересов и задач различных политических групп, которые формируют варианты интерпретации прошлого, через которые память проникает в традицию [4, с. 140].

«Историческая политика» как инструментальное использование истории в политических целях – явление достаточно давнее. Можно привести немало примеров использования прошлого для нужд настоящего. Многие из того, что мы сейчас определяем как «историческая политика», возникло и успешно функционировало до появления самого этого понятия. «Историческая политика» существует с тех пор, когда история превратилась в средство формирования массовой лояльности не только к государству, но и нации. Отличие современной исторической политики от своих прототипов состоит в ее качестве и масштабах.

Таким образом, «историческая память» – это разновидность формы коллективной (культурной) памяти, которая претендует на статус сконструированной традиции. С другой стороны «историческая политика» – это разновидность политики, целью и содержанием которой является целенаправленное конструирование и использование в политических целях «исторической памяти» и других форм коллективных представлений о прошлом и его репрезентаций, в том числе профессиональной историографией.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Зинн, Говард // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Зинн,_Говард. – Дата доступа: 10.09.2019. – Загл. с экрана.
2. Историческая память и российская идентичность / под. ред. В. А. Тишкова, Е. А. Пивневой. – М.: РАН, 2018. – 508 с.
3. Касьянов, Г. Украина и соседи: историческая политика. 1987 – 2018 / Георгий Касьянов. – М.: Новое литературное обозрение, 2019. – 632 с.
4. Нольте, Эрнст // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Нольте,_Эрнст. – Дата доступа: 10.09.2019. – Загл. с экрана.
5. Политика памяти // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Политика_памяти. – Дата доступа: 10.09.2019. – Загл. с экрана.
6. Скачков, А. С. Историческая память в политических процессах постсоветской Прибалтики / А. С. Скачков // Сравнительная политика. – 2017. – Т. 8. № 1. – С. 140–151.
7. Социологическая энциклопедия: В 2 т. Т. 2 / Национальный общественно-научный фонд / Руководитель научного проекта Г. Ю. Семигин; Главный редактор В. Н. Иванов. – М.: Мысль, 2003. – 863 с.